

Анна
Огцвалова

ПЛЕННИЦА
МЕДНОЙ ГОРЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-44

Иллюстрация на переплете *ALES*

Одувалова, Анна Сергеевна.

О-44 Пленница медной горы / Анна Одувалова. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-225492-5

Горы хранят много тайн. И после обвала, который унес жизнь членов экспедиции «По следам Бажова», их стало на одну больше.

Маша Зверева выжила. Целый год ее считали погибшей, но однажды нашли в горах. Девушка не помнит, что с ней случилось, но намерена докопаться до истины и понять, что стало причиной трагедии.

Ее парень, организовавший экспедицию и выживший в ней? Черноволосый красавчик с янтарными глазами, который кажется смутно знакомым? Или... сама хозяйка Медной горы, чье отражение Маша видит в зеркалах?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225492-5

© Одувалова А.С., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Морозный воздух, побелевшая от инея трава, каменистая тропа, ведущая вниз, и ветка, хрустнувшая под ногой впервые за долгие часы пути. Вздрагиваю и ежусь. На мне льняная рубаха до щиколоток — не новая, но добротная, с вышивкой на горловине, холщовые штаны и неудобная обувь. Я словно сбежала с ролевой игры. Только вот я никогда не увлекалась ничем подобным. Где джинсы? Удобная и теплая толстовка? Кроссовки, в конце концов?

В голове вата. Иногда образы, правда, чаще — звенящая пустота, но двигаюсь я уверенно. Огибаю камни, перепрыгиваю через узкие ручейки и, повинаясь внутреннему компасу, направляюсь на юго-восток. К людям. Я точно знаю, они там есть. Трасса, небольшие поселки и чуть дальше, километрах в восьмидесяти, Бажовск. Я там живу. Странная мысль, чуждая, но в то же время не вызывающая отторжения.

Почти не чувствую холода, хотя иногда приходится дуть на замерзшие пальцы. Но это восприни-

мается как небольшое неудобство. Не думаю, не пытаюсь вспомнить. Единственная моя цель — дорога. Остановлюсь — умру. Не знаю, кто вложил в мою голову эту мысль. Возможно, прошлая я — более мудрая. Та, что знала эту гористую местность как свои пять пальцев. Я забыла ее, но зато с каждым шагом все больше вспоминаю себя другую — беспечную, слишком далекую от природы, городскую девчонку восемнадцати лет. У меня был дом, парень, увлечения...

Но потом что-то произошло. Я не знаю что. Что-то заставившее меня научиться передвигаться быстро и бесшумно, что-то позволившее выжить там, где очень легко погибнуть, — в горах.

Голоса слышу раньше, чем люди замечают меня, и начинаю двигаться медленнее, осторожнее ступать, не задевая густые кусты. Я словно притаившаяся в лесу охотница.

Выхожу на поросший мхом и низким кустарником холм.

— Лис... это Беркут. Лис... ты слышишь меня? — сутулый мужчина в оранжевой куртке стоит спиной. На спине рюкзак с торчащей из внешнего кармана бутылочкой воды. — Квадрат три-а... тут пусто. Повторяю. Квадрат три-а, тут пусто. Я не знаю, где искать потеряшку. Не здесь. Сигма вышла на след? Понял...

— Беркут... — первой меня видит девушка и подбирается. Высокая, полноватая, с забранными воло-

сами, что совершенно не идет ее полному и какому-то плоскому лицу. — Дэн...

— Что? — мужчина несколько раздраженно поворачивается и видит меня.

Я не шевелюсь. Не хочу напугать. Это первые люди, которых я вижу за долгое время... наверное, пустота мешает понять.

— Ты, мать его, кто? — удивляется он и тянется к карману. Что там? Пистолет? Вряд ли. Скорее, шокер. Я понимаю, что передо мной — волонтеры-поисковики. Я примерно знаю, что они с собой носят. А вот что я делала вчера? Этой информации у меня в голове нет.

— Девушка? Ты слышишь меня? Говорить можешь?

А я не знаю. Как давно я общалась? С непривычки голос звучит очень низко и хрипло. Какое-то воронье карканье.

— Марья... Я Марья... Марья-искусница...

— Какого... — мужик хмурится и морщит лоб, словно я сказала какую-то глупость, но девушка удерживает его за рукав.

— Беркут... я ее знаю, кажется. Прошлый август, обвал в горах... туристическая группа... Это одна из них. Я помню фото. Ее не нашли, решили, что погибла. Ты ведь Мария Зверева? Ты помнишь, что с тобой случилось?

Смотрю на нее и пытаюсь прорваться в реальность. Имя кажется родным, но далеким. Да, я Ма-

АННА ОДУВАЛОВА

ша Зверева или была ею год назад... Год? Думаю, это очень долго. Медленно киваю, подтверждая слова девушки.

— Ты знаешь, что с тобой случилось?

А вот на этот вопрос ответить намного проще, и я уверенно говорю:

— Нет.

Глава 1

Комната такая знакомая, но ставшая чужой. Серые стены. Потолок — белый, матовый. Я помню, как его натягивали. Люстра, ее мы покупали вместе с Андреем тогда, в прошлой жизни. Серый плед — мягкий, невесомый — подарила мне мама, и сейчас я зябко в него кутаюсь. И эта комфортная мягкость кажется мне настолько чужеродной и странной, что хочется откинуть плед, но я этого не делаю. Мне нравится — так не холодно, и как пушистая ткань касается обнаженной кожи, мне тоже нравится.

Андрей молчаливо сидит у моей кровати и смотрит не то с нежностью, не то с настороженностью. А может быть, с жалостью. Я устала от этих эмоций вокруг. Хочу эмпатической тишины.

— Ты молчишь? — со вздохом говорит он и убирает прядь у меня с лица. Во взгляде тоска, а красивые губы поджаты.

Наверное, это должно вызвать у меня чувство вины. Но на душе пусто. Ни одной эмоции.

Молчу. Я действительно в последнее время молчу. Сжимаю ладонь Андрея, чтобы обозначить поддержку, и парень продолжает разговор. Он сейчас болтает за двоих:

— Маш, ты правда не помнишь, что произошло? Совсем-совсем?

Я устала от этих вопросов. С тех пор как десять дней назад меня нашли в горах спасатели, я слышу этот вопрос от разных людей по несколько раз на день. Врачи, спасатели, полицейские, родители, друзья... Все жалеют меня и хотят узнать только одно: что случилось со мной год назад.

Я тоже хочу, наверное.

Думаю. Отблески костра перед глазами, его улыбочное лицо — и все. Дальше — темнота, хрустящая от мороза трава и спасатели. Это все, что у меня осталось от последнего года. Два коротких эпизода, и пустота между ними.

— Нет. Не помню, — тихо отвечаю я. И, как всегда, этого мало.

— Вообще ни капельки? Ты изменилась... стала такой... — Он морщит лоб, закусывает губу, подбирая слова. — Мрачной. Нелюдистой. Где моя Машка? Веселая, непосредственная!

— Не знаю... — изучаю парня. Красивый. Я помню, что любила его. Раньше.

Обычно Андрею достаточно простых фраз. Он, как правило, не лезет в душу. Но не сейчас. Парень мрачнеет и вздыхает, опуская глаза. Не хочу его обижать, не уверена, что выведу выяснение отношений.

Мне бы себя вывезти, поэтому пытаюсь ответить более пространно:

— Возможно, прежняя Маша осталась там, в горах. Я не помню...

— Бедная...

Андрей пересаживается со стула на кровать, прижимает меня к себе, поглаживая по волосам.

— Но ты стала нереально красивой. Еще стройнее, чем была! Такая подтянутая... И коса эта отросла ниже пояса.

Молчу. Прикосновение не вызывает ничего. Андрей это чувствует и отстраняется.

— Я скучаю по той Маше, — признается он. — Правда, новой ты мне тоже нравишься. Я люблю тебя... правда.

— Я вспомню, — обещаю ему. — Вспомню и стану прежней. Дай мне немного времени.

Не верю в то, что говорю. Не стану. Я другая, и вряд ли это можно изменить.

Андрей хмурится.

— Не надо.

— Что? Становиться прежней? — через силу усмехаюсь я.

— Вспоминать, — отвечает Андрей слишком серьезно. — Тебе было плохо этот год. Страшно, и ты забыла. Я читал про такое. Защитная реакция организма. Не вспоминай, просто будь здесь и со мной. Ты вернулась домой. Тут я, родители. Алевтина Ивановна ожила, как ты вернулась. Просто живи. Как

раньше. И со временем все наладится, а прошлое останется прошлым.

— Как раньше... — эхом повторяю я и понимаю: как раньше уже не получится. Только вот ни родители с бабушкой, ни Андрей упорно не хотят этого понимать. Год, который я не помню, изменил все, а они рассчитывают просто его вычеркнуть, словно и не было.

Андрей еще какое-то время сидит, пытается найти общие темы для разговора, но я уплываю мыслями к тому осеннему костру — последнему воспоминанию из прошлой, беспечной жизни. Я очень хочу вспомнить, но не могу. Все говорят, я забыла что-то плохое, но меня не оставляет мысль: а что, если не плохое, а хорошее и важное? Это было бы особенно обидно.

Встаю с кровати, только чтобы проводить Андрея домой. Завтра понедельник и первый день, когда я должна вернуться в университет, где не появлялась год.

Это странно. Я буду учиться совсем с другими людьми. Те, с кем я поступала, перешли уже на третий курс, а я, как Спящая красавица, только очнулась.

Понимаю, что просто не будет. Моя история разнеслась по городу. Причем два раза. В прошлом году, когда меня похоронили, и сейчас, когда я вернулась непонятно откуда и с амнезией.

Это не может не вызывать у людей настороженность и любопытство. Придется это повышенное внимание пережить, а мне тяжело среди людей.

Утомляют даже разговоры близких, и еще кажется неинтересным то, что раньше вызывало восторг.

Например, с момента возвращения я ни разу не зашла в небольшой чуланчик, расположенный у самой входной двери и переоборудованный в домашнюю ювелирную мастерскую. Раньше я могла проводить там все свободные вечера. Андрей даже обижался, но я обожала работать с мягким и податливым серебром, с капризным золотом, чувствовала металлы и подбирала камни, которые подходили человеку идеально. Я жила этим, я учиться пошла на ювелира, потому что не могла без этого. А сейчас у меня словно заблокировали дар. Мне даже альбом не хочется брать в руки, а раньше я черкала постоянно, зарисовывая мысли, эмоции, воспоминания и сценки из жизни.

Пока нахожусь в прострации, Андрей успевает обуться и замирает у двери, явно ожидая от меня реакции, а я снова где-то здесь. Наверное, со стороны я смотрюсь сумасшедшей. Улыбаюсь и чмокаю его в щеку, так толком и не вынырнув из своих мыслей.

Идти в новый коллектив, да еще и с середины октября, совсем не хочется, но я не могу сидеть дома, хотя мама и предлагала.

Отдохнуть, прийти в себя и пропустить два года жизни вместо одного?

Нет уж, на это я не согласна. Поэтому закрываю дверь за своим парнем, который обещает заехать за мной с утра, и иду изучать свой шкаф с одеждой,

которая мне стала великовата и которая совершенно не нравится. Но мысль о походе по магазинам вызывает еще больше раздражения, чем необходимость выбирать из того, что есть.

Достаю длинное льняное платье в стиле бохо. Я его почти не носила, оно казалось мне старомодным, а вот сейчас — в самый раз. К нему у меня есть короткая кожаная куртка и удобные ботинки на массивной подошве. Я бы подвязала бечевкой волосы, чтобы не лезли в глаза, но, когда я так делаю, даже домашние косятся на меня подозрительно. А я не могу понять почему. Ну, удобно же!

Весь вечер я думаю о первом дне в универе, несколько раз снова занырываю в шкаф, но выбор одежды остается неизменным, и я, успокоившись, ложусь спать часов в девять. Еще одна новая привычка — раньше я редко засыпала раньше полуночи. А сейчас после восьми клонит в сон, зато в шесть утра я уже на ногах.

Это очень неудобно в творческой семье. После восьми жизнь в доме только начинается, а с утра ходишь как привидение по квартире и боишься шуметь, чтобы никого не разбудить. Зато засыпаю мгновенно и просыпаюсь без будильника. Все же год неизвестно где привил ряд полезных привычек. Здоровый сон — это роскошь для того, кто с пятнадцати лет страдал от сбитого режима.

В итоге до тех пор, пока в нашей квартире начинается торопливая жизнь понедельничного утра, я успеваю погладить платье, помыть голову, уложить

волосы, сначала распускаю, потом все же убираю их в косу, длинную, русую — за этот год она стала длиннее сантиметров на тридцать и сейчас спускается ниже ягодич.

До сих пор не понимаю, как такое возможно. Этот год в горах я что, регулярно ходила в салон на уходовые процедуры? Потому что очевидно: полоча в ручье, такого качества волос не добиться.

— Машенька, тебя отвезти? — кричит папа из прихожей, его голос эхом раздается по нашей шестикомнатной квартире. Ее получил еще мой прадед — уважаемый в Бажовске архитектор, продолжатель династии Зверевых — известных на Урале камнерезов.

— Нет, спасибо! — отзываюсь я, напрягая легкие.

Папа у меня продолжает славную традицию предков и занимается ювелирным делом. И, как все творческие люди, несколько рассеян. А значит, с утра опаздывает. А я — нет, даже если пойду пешком. Ну и Андрей обещал заехать. Мама у нас сова, встает ближе к полудню и отправляется в свою мастерскую — она скульптор.

— Точно?! — упорствует он.

— Точно!

— Виталий, ну ты что? — подает из кухни голос бабушка. — Деточка еще не завтракала. Она и так исхудала, кожа и кости, а уважающая себя женщина не может весить меньше пятидесяти пяти килограмм!

Не знаю, откуда бабушка это взяла, но спорить с ней бесполезно. Голоса разносятся по квартире. Я,

вообще-то, хочу ответить, что не голодна, но орать утомительно. У нас, пока из моей комнаты дойдешь до кухни и коридора, можно вообще забыть, зачем шла. Зато просторно и никто друг другу не мешает.

Моя родня старательно делает вид, что прошлого года не было.

Отчасти я их понимаю, но иногда их поведение, нарочито беспечное, все же напрягает. Я вижу, как осунулась бабушка, какой бледной и дерганой стала мама. Этот год не прошел для них бесследно, как и для меня. Только вот отношение к произошедшему у нас очень разное.

Они хотят вычеркнуть из памяти время, когда меня не было. Сделать вид, будто ничего не случилось. Именно поэтому все так активно выступали за мое возвращение в универ (хоть для приличия и предлагали посидеть дома еще год).

А вот я? Я пока не могу понять, хочу ли я перешагнуть через прошлое.

Где-то в глубине души живет чувство, что там, в горах, осталось нечто бесконечно дорогое, то, что забывать нельзя ни в коем случае. Только вот моей семье это не объяснишь.

Я и не объясняю. Делаю вид, что согласна с ними, и старательно подыгрываю. Только это подыгрывание не решает проблем. Я по-прежнему хочу узнать, что случилось в горах и где я провела целый год своей жизни.

— Давай, Машунь, иди завтракать! — кричит бабушка. — Кофе я тебе сделала, блинчики разогре-

ла... Кушай, а то я тоже опаздываю. У меня сегодня встреча в библиотеке с Георгием Семеновичем, он обещал мне привезти одну интересную книгу по истории Урала.

— Иду, бабуль, — отвечаю я, набрав в легкие побольше воздуха, и направляюсь на кухню.

— Всем до вечера!

В прихожей хлопает входная дверь. Это папа ушел. Знакомые запахи, звуки, стены квартиры, комод в длинном коридоре — старинный, из темного дерева, огромный книжный шкаф, трюмо с потемневшим от времени зеркалом напротив двери в комнату бабушки — все это такое знакомое и родное, мне тут хорошо. Хотя многие мои друзья у нас чувствуют себя неуютно — квартира похожа на музей.

Но я живу тут с детства. Я очень хочу снова вернуться в прошлое, но что-то мне не дает. Я словно попала в параллельный мир. Пытаюсь быть своей, пытаюсь чувствовать себя уютно, но не могу. Внутри словно блок какой-то стоит. Хожу по коридорам, смотрю на привычные вещи и ощущаю себя как в другом измерении. Словно тут я, и в то же время не я. Очень странное состояние.

Иду мимо старинного зеркала, когда чувствую легкое дуновение ветра. Причем этот ветер идет не от зеркала, а словно из квартиры в сторону потемневшей от времени поверхности. Замираю, пытаюсь разобрать в темноте коридора мутное отражение. Это зеркало не для того, чтобы поправлять макияж, это старинный артефакт, которому более